

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА ДЛЯ ОРФОГРАФИИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

© Александр Рудяков

ON THE RELEVANCE OF THE FUNCTIONAL APPROACH TO THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE ORTHOGRAPHY

Alexander Rudyakov

The article deals with the principles of analysis and description of the Russian language based on the functional approach. The aim of the study is to identify the role of orthography in society and language, and the features characterizing the implementation of the general patterns of language units' functions (graphemes, phonemes, morphemes), which determine the formation of orthography principles. Taking into account modern linguistic theory, we demonstrate, based on the mechanism for implementing positional variants of language units, the regularities of applying the morphological principle not only to the way individual morphemes are written, but also to the structure of the Russian language as a whole. In this regard, we propose to consider orthography not as a set of rules, but as the most important means of maintaining the unity of the oral and written forms of the language. Thus, we conclude that literacy is not limited to observing the norms of the literary language, orthography norms reflect the desire to most adequately reflect the standard of its units (morphemes) in the written form of the language existence, and this must be taken into account when forming a system of orthography rules. Accordingly, orthography, as one of the most important components in the Russian language learning, should be taught through the prism of a reference image formation of a certain circle of words whose knowledge determines the level of literacy.

Keywords: phoneme, functionalism, orthography, grapheme, morphological principle

В статье рассматриваются принципы анализа и описания русского языка на основе функционального подхода. Целью исследования является определение роли орфографии в социуме и в языке, а также особенностей реализации общих закономерностей функционирования единиц языка (графемы, фонемы, морфемы), которые обуславливают формирование принципов орфографии. С учетом современной лингвистической теории на примере механизма реализации позиционных вариантов языковых единиц продемонстрированы закономерности применения морфологического принципа не только к написанию отдельных морфем, но и устройству русского языка в целом. В связи с этим предлагается рассматривать орфографию не как набор правил, а как важнейшее средство сохранения единства устной и письменной форм языка. На основе проведенного исследования делается вывод о том, что грамотность не сводится к соблюдению норм литературного языка, орфографические нормы отражают стремление максимально адекватно отразить в письменной форме бытия языка эталонность его единиц (морфем), и при формировании системы орфографических правил необходимо это учитывать. Соответственно, орфография как один из важнейших компонентов при обучении русскому языку должна преподаваться через призму формирования эталонного облика определенного круга слов, знание которых и определяет уровень грамотности.

Ключевые слова: фонема, функционализм, орфография, графема, морфологический принцип

Для цитирования: Рудяков А.Н. Об актуальности функционального подхода для орфографии современного русского языка // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №1 (71). С. 58–64. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-58-64

Наша жизнь регулярно подсказывает те направления исследования, которые наиболее актуальны для лингвистики. Так было в далеких уже 80-х, когда судьба подарила мне возможность осознать ограниченность представлений о лекси-

ке как совокупности слов, вследствие чего возникла функциональная семантика [1]. Необходимость осознать те теоретические основы, которые необходимо преподать студентам в ходе чтения курсов «Введение в языкознание» и

«Общее языкознание», привели меня к созданию регулятивной концепции естественного языка [2]. А поручение выступить на заседании Верховного Совета Автономной Республики Крым в 2006 году привело меня к вопросам языковой политики и – к георусистике [3].

Не так давно в роли такого «катализатора» выступил «Проект краткого свода основных правил русской орфографии», который рассматривался Правительственной комиссией по русскому языку в 2021–2022 гг., членом которой я являюсь. И хотя орфография далеко, казалось бы, отстоит от семантики и планетарного русскоязычного мира, она заставила меня вновь вернуться к таинству знаковой системы, к ее удивительной и начисто нами игнорируемой чудесной способности сохранять возможность социального взаимодействия носителей языка в бесконечном множестве ситуаций.

Орфография заставила задуматься о себе не как о стандартной необходимости «правильно писать» [4, с. 350], но как о важнейшем инструменте сохранения единства устной и письменной форм языка. Конечно, при этом решающим фактором, на мой взгляд, оказалась приверженность постулатам моего же варианта функционализма и определения языка как важнейшего знакового орудия регуляции [1], существующего как совокупность различных вариантов [5].

Во время заседаний комиссии при Министерстве просвещения Российской Федерации споры двух оппонировавших сторон не вызвали у меня интереса, поскольку аргументация была достаточно стандартной для предмета обсуждения (более того, вопросы орфографии и пунктуации представлялись мне уже решенными в достаточной мере и закрепленными в соответствующем справочнике [6]). Однако после того, как профессор С. А. Кузнецов прислал мне сам проект «Свода» и попросил высказать свое мнение, я не мог не обратить внимание на первые же строки, которые, учитывая то – несомненное для меня – громадное просветительское и официальное значение будет иметь данный труд, нивелировали все завоевания и усилия русистики:

«Русское письмо буквенное: его основные единицы – буквы. Они предназначены для обозначения звуков языка. Соотношение букв и звуков определяется правилами чтения письменного текста и правилами записи произнесенного текста. Базовые правила чтения и записи называются правилами графики. Правила графики сами по себе не во всех случаях дают возможность однозначно прочесть написанный текст (это определяется правилами орфоэпии) и однозначно записать текст. Нормы, опреде-

ляющие общепринятую запись слов, называются орфографическими нормами, или нормами орфографии. Формулировки, помогающие определить нормы орфографии в случаях, когда они вызывают сомнение, называются правилами орфографии, или орфографическими правилами.

В данном кратком своде сформулированы лишь орфографические правила, задающие основные нормы, соблюдение которых необходимо для того, чтобы письмо могло считаться грамотным» (здесь и далее рядка наша – А.Р.) [7].

Хочу обратить внимание читателя, что в преамбуле, по сути, содержится кредо составителей «Свода». Но что именно обращает на себя внимание в первую очередь? Целый ряд не просто «расхожих», а, на мой взгляд, откровенно противоречащих утверждений, имеющих мало общего с теорией языка, которая уже отражена в учебниках и, казалось бы, должна прочно войти в обиход практического изучения его [8, с. 156–157]. Во-первых, судя по всему, поэтическое по своей сути выражение «русское письмо» должно обозначать письменную форму русского языка, которая не существует в отрыве, в изоляции от формы устной. Во-вторых, говоря о «единицах русского письма», авторы утверждают, что это «буквы», не считая нужным указать, какие именно это «буквы»: строчные, прописные, печатные, рукописные... А ведь «Д», «д», «Д», «D», «d», скажем, достаточно отчетливо различаются по своим субстанциональным качествам (носители языка привычно абстрагируются от этих различий, но ученые не имеют на это права).

Далее утверждается, что буквы «...предназначены для обозначения звуков языка», но, как всегда, важнейшее для адекватного отражения устройства знаковой системы, слово *языка* утрачивается и далее остается только формулировка «соотношение букв и звуков». Все просто, привычно и понятно: буквы обозначают звуки. Отсюда вытекает следующее утверждение: «Общее требование к орфографически правильной записи слов состоит в том, что среди возможных прочтений записанного слова, отвечающих общим правилам чтения, должно быть такое, которое соответствует реальному произнесению данного слова (запись, удовлетворяющая данному требованию, называется графически правильной)» [7].

Я вернусь к «реальному произнесению» далее, здесь хотелось бы остановиться на еще одном, на мой взгляд, не столько спорном, сколько поверхностном утверждении, гласящем, что «Соотношение букв и звуков определяется пра-

вилами чтения письменного текста и правилами записи произнесенного текста» [Там же].

Само по себе упоминание «чтения» и «записи» в контексте определения того, как соотносятся «звуки и буквы», очень уместно. Это касается и выражения «общепринятая запись слов», и определения «правил орфографии», и формулировки самой цели создания «Проекта» – представить набор правил, минимально необходимых, чтобы «письмо могло считаться грамотным». Но чем же на самом деле определяется «соотношение букв и звуков»? Что стоит за так называемой «общепринятой записью слов» и зачем существует насущная необходимость в том, чтобы «письмо могло считаться грамотным»? Иначе говоря, в чем заключается подлинная роль орфографии в нашей жизни, то есть в важнейшем для самого существования общества обеспечении успешности социального взаимодействия носителей русского языка?

На самом деле все очень просто. Для этого нужно осознать, каким замечательным образом устроен естественный язык. Мы – носители русского языка – привычно не обращаем внимания на поистине безграничное субстанциональное варьирование языковых единиц в наших «устах» (так поэтично назовем артикуляторный аппарат) и в «устах» нашего собеседника, а также в процессе фиксации этих же единиц на письме и в различных печатных текстах.

Задумайтесь, каким образом мы из множества почерков и шрифтов выявляем и понимаем именно то слово, которое адресовал нам субъект речи? Задумайтесь, каким образом мы оказываемся способны услышать и понять именно то слово, которое имеет виду произносящий его собеседник? И наконец, задумайтесь, каким именно образом носитель языка оказывается способен отождествить устную и письменную форму существования этого слова?

Повторю еще раз: все очень просто. Все дело в умении сохранять и лелеять идеальный (эталонный) облик морфемы [9]. Иначе говоря, понимание обеспечивается морфологическим принципом устройства русского языка во всех его формах. Важно, однако, отчетливо осознавать, что же это такое – «эталонный облик морфемы» – и какие именно механизмы его сохранения существуют в естественном языке.

Напомню, что в ярусной схеме устройства языка минимальная значимая единица – морфема – образует отдельную подсистему. Равно, как и минимальная односторонняя единица – фонема. В функциональной регулятивной лингвистике я объединяю их в особую подсистему строительных единиц языка.

В системе русского языка, на так называемом «уровне языковой абстракции» [10], обладание которой присуще всем носителям русского языка (в разной степени, разумеется; степени этого «обладания» (владения языком) образуют поле с ядерной и периферийной зоной), хранятся те эталонные единицы, которые русский язык включил в свою систему. Систему эталонных, образцовых единиц строительных, номинативных, коммуникативных и регулятивных. Именно «эталонность» и воспроизводимость этой «эталонности» делает возможным понимание речи (устной и письменной) и само социальное взаимодействие.

Легче всего увидеть это на простом примере. В системе русского языка существует морфема <вод->, означающее (прекрасный термин Ф. де Соссюра, избавляющий от пустых споров) которой формируют три русские фонемы <в>, <о>, <д>. Очень важно понимать, что морфема не сводима к своему означающему. Морфема является двусторонней единицей, и каждая морфема имеет означаемое (смысл, значение). Так, морфема <вод-> (точнее, одна из морфем) имеет значение «прозрачная, бесцветная жидкость, образующая ручьи, реки, озёра, моря и представляющая собой химическое соединение водорода с кислородом» [11, с. 139].

Носитель русского языка не нуждается в правилах и «проверках» для того, чтобы знать абсолютно аксиоматическую истину: что бы он ни услышал (а слышит он – [вЛда]) и что бы он ни произнес, для номинации этой реалии он использует именно эту морфему, состоящую именно из этих фонем. Это и есть эталонный образцовый облик морфемы, прочно закрепленный за этим – эталонным – означаемым.

Каким бы ни было «реальное произношение», о котором пишут авторы цитируемого труда и не только они, носители русского языка будут оперировать только этим эталоном... Мне кажется, что если бы в нашей лингвистической и образовательной практике мы в большей мере использовали семантику, то и «проверок» нужно было бы намного меньше.

Грамотность – это знание эталонных единиц, а не знание правил. И вот здесь удивительный феномен: именно орфография в реальности демонстрирует нам этот идеальный облик наглядно! Именно орфография проецирует эталонный фонемный облик морфемы в доступную непосредственному восприятию форму. И для реализации этой функции в языке существует соответствующий механизм, но не *звуко-буквенный*, а *фонемно-графемный*.

Если произнести слово *вода* можно только одним способом: [вЛда] (хотя сама морфема в других позициях может звучать иначе, например, [вѣд'и^еной]), то написать это слово можно самыми разными буквами: строчными, заглавными, разными почерками и шрифтами... При этом начертания букв могут достаточно серьезно различаться. Каким образом механизм языка снимает эти субстанциональные различия? С помощью функциональных тождеств.

Я уверен, что внимательный читатель был удивлен, почему я не пояснил, каким образом носитель русского языка, услышав [вЛда], понимает, что это <вод>? В этом (и в безграничном множестве подобных случаев) работает «механизм фонемы», которым неосознанно владеют все носители русского языка и о котором я писал ранее. Он интегрирован с «механизмом графемы» – языковой единицы, соответствующей фонеме в письменной форме языка. Не «буквы обозначают звуки», но графема обозначает фонему [4, с. 117].

Фонему нельзя произнести, графему нельзя написать. Фонема и морфема – такие же абстракции, как *Homo sapiens*, который реализуется в бесконечном множестве индивидов.

В почти непосредственном ощущении, в физиологически почти доступном восприятии, которое так любят сторонники субстанциональной (дерегулятивной) лингвистики, фонема дана нам в виде «ряда» или микрополя своих вариантов, своих реализаций в той или иной фонетической позиции (в одной из своих статей я писал о том, что в эпоху полинациональных языков эти варианты зависят не только от внутрисистемных фонетических позиций, но и от того, в каком именно национальном варианте русского языка они существуют [12, с. 140–152]). Я говорю «почти», потому что в констатации этой доступности есть серьезное преувеличение: доступен конкретный звук, произведенный или воспринятый в речи. Говоря о микрополе вариантов, я имею в виду типичный звук, звук, очищенный от индивидуальных и ситуативных свойств, но существующий в системе языка исключительно для того, чтобы быть манифестацией фонемы в конкретной фонетической позиции.

Принципиально важно осознавать, что «механизм фонемы», позволяющий нам реализовать «морфологический принцип» устройства нашего понимания, основан на феномене функционального тождества. Это означает, что [Л] в [вЛд], равно как и в любом ином слове, в первом ударном слоге никаким образом не может быть отождествлен с [о] как основным вариантом фонемы <о>. Для любого человека, имеющего хоть

самые поверхностные представления о классификации русских гласных, очевидно, что [о] и [Л] не могут быть отождествлены на основе субстанционального (ряд, подъем, лабиализация...) подобия. Но! Они тождественны функционально как варианты выражения фонемы в разных позициях. Собственно говоря, то, что я именую «механизмом фонемы», и есть обретаемая нами с овладением русским языком способность видеть, понимать и использовать функционально тождественные манифестации фонем, обеспечивающие стабильность морфемы.

Заменяя в наших учебных программах и различных «сводах» фонему «простым» и «наглядным» звуком, мы кардинальным образом разрушаем с немалым трудом завоёванные русистикой «высоты». Это и подобные упрощения, якобы «для блага», «для простоты», «для понимания», приводят, с моей точки зрения, к диаметрально противоположному результату.

Принципиально важное требование сохранения единства устной и письменной форм языка подразумевает бытие лингвистической единицы, соответствующей фонеме. Разумеется, единицы функциональной.

Я не открою нового лингвистического знания, а, скорее, напомним постепенно забываемое, сказав, что единицей графики является графема [8], [13]. Новым станет утверждение о принципиальной функциональности графемы. И, на мой взгляд, утверждение об органической системной связи графемы и фонемы. Связи, которая может показаться устанавливаемой произвольно, путем некоего социального договора, но, по сути дела, существующей объективно и фиксируемой социумом с определенной мерой адекватности. С моей точки зрения, русская графика в высокой степени соответствует звуковому строю русского языка.

Почему графема функциональна? Потому что реализующие ее варианты настолько порой различаются субстанционально, что отождествление их по сходству написания или печати невозможно. То разнообразие почерков и шрифтов, с которым сталкивается человек в ходе социального взаимодействия с использованием письменной формы языка, заведомо меньше, чем с использованием устной, но и оно велико. Но основная причина в том, что все лингвистическое всеобщее функционально [2].

В этом отношении мне понравилось выражение «анатомия буквы», обозначающее совокупность элементов формирования каждого графического символа и использующееся в полиграфии. Очевидно же, что анатомия «Д» и «д» не просто разная, а, скорее, диаметрально разли-

чающаяся. А «А» и «а»? И так далее... Для меня как для последовательного регулятивного функционалиста очевидно, что носители языка объединяют все это множество «анатомически» разных начертаний в одну графему на основе их функционального тождества в качестве вариантов этой графемы в разных позициях («позиция» в данном случае – это строчная, прописная, рукописная или печатная, а также созданная тем или иным шрифтом или почерком).

Много писали о том, что русское произношение все в большей степени приближается к написанию [14], [15]. Это объяснимо: написание проявляет эталонный облик вариантов фонем. Графема соответствует фонеме. Фонема предполагает графему. Фонема есть «предвестник» графемы. Возможны ли в теории случаи, когда возникает письменная форма языка, а затем – устная? Думаю, да. Хотя моделирование условий таких ситуаций достаточно фантастично.

Это не пустые теоретизирования – все это проецируется в коллективную грамотность социума. Подменяя понимание устройства системы языка «проверками», мы – русисты – должны осознавать нашу ответственность за сегодняшнее положение дел с почитанием и соблюдением норм русского языка [16, с. 227]. Тем более в ситуации, когда русский язык как государственный приобретает все большее значение для самого бытия государства. В этом отношении весьма показательны дискуссии, которые велись в 60-х годах прошлого века в период реформы русской орфографии ([17], [18]) и которые наглядно демонстрируют, с одной стороны, ряд нерешенных, по сути, проблем, а с другой – значимость орфографии в социальном плане, когда она выступает не как средство кодификации, а как связующее звено между различными формами существования русского языка.

Грамотность нельзя сводить исключительно к соблюдению норм литературного языка [19, с. 57]. Необходимо видеть за, на поверхностный взгляд, субъективно (ведь социум тоже субъективен) устанавливаемыми нормами стремление максимально адекватно отразить в письменной форме бытия языка эталонность его морфем.

В связи с этим стоит отметить, что роль «проверок» в определении правильного написания очень преувеличена [20]. Грамотность – это знание эталонного облика морфемы, которое приобретается в процессе чтения текстов, написанных на кодифицированном (осознанном с точки зрения бережного отношения к эталонности) языке. Мне как носителю русского языка, обладающему соответствующей компетенцией, вовсе не нужно «проверять», вариантом какой

именно фонемы является гласный в первом слоге слова *собака*. Я знаю, что в русском языке означающее морфемы <-собак-> состоит именно из такого набора фонем. И именно такой эта морфема и должна использоваться носителями языка согласно морфемному принципу устройства его системы.

Очень важное замечание для «практики» и «практиков», которые так истово и, к сожалению, заслуженно не любят теорию. Исходя из логики моих рассуждений и признания того факта, что грамотность есть следствие владения эталонным обликом морфемы (здесь мы можем абстрагироваться от единства устной и письменной форм языка), нельзя не признать, на мой взгляд, приносящими объективный вред традиционные и массовые упражнения «вставьте пропущенную букву» (см. перечень таких упражнений, например в [21, с.162–170]). Почему? Да потому что они и нарушают последовательно и упрямо этот самый эталонный облик морфемы. Причем именно в позициях наиболее проблемных. Нечем заменить такие упражнения? Отнюдь! Извольте: «определите в приведенных словах те гласные (согласные), написание которых может вызвать трудности: *вода, телевизор* и так далее. Безусловно, новый тип заданий потребует и новых подходов к его созданию и выполнению, но в то же время будет способствовать пониманию сути орфографии как связующего компонента между устной и письменной формами языка. И мы таким образом снимаем абсолютизацию «проверок» как основы грамотности.

В наших сегодняшних условиях непрерывное навязывание в школьных учебниках эталонного облика определенного круга слов (кстати, и отбор этих слов должен соответствовать нашему «сегодня», а не «вчера»: меньше *овец* и *прудов*, больше *смартфонов* и *планшетов*) важно еще и потому, что большинство из школьников в последующие годы с высокой долей вероятности не будут эти эталоны видеть в печатном тексте вообще. Или видеть в режиме речевой игры или попросту безграмотного текста.

В рамках предложенной статьи я, по сути дела, выполнил главный завет регулятивного функционализма: определил русскую орфографию по трем видам качеств: «природным», функциональным и системным. Теперь ее сущность отчетлива видна и не может быть затенена бесконечными попытками примитивизации ее высочайшего предназначения в качестве интегратора устной и письменной форм русского языка.

Таким образом, отчетливо проявлены, на мой взгляд, смысл и ценность всех орфографических

усилий: максимально возможная поддержка единства устной и письменной форм существования системы означающих русского языка, максимально последовательное сохранение эталонного облика морфемы, применение морфологического принципа не только в процессе написания, но и при анализе устройства русского языка. Именно благодаря функциональному и регулятивному подходу отчетливо видно, что так называемый «морфологический принцип русской орфографии» – это «принцип» устройства «всего» языка и что привычный термин «звукобуквенное письмо» не просто затеняет, а начисто разрушает адекватные представления об орфографии. Поэтому нельзя терять уже обретенное предшественниками знание, как нельзя из Возрождения возвращаться в Средние века.

Список источников

1. Рудяков А. Н. Лингвистический функционализм и функциональная семантика. Симферополь: Таврия-плюс, 1998. 224 с.
2. Рудяков А. Н. Язык, или Почему люди говорят: опыт функционального определения естественного языка. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2012. 158 с.
3. Рудяков А. Н. Георусистика: русский язык в глобальном мире. М.: ЛЕКSRUS, 2016. 320 с.
4. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. 682 с.
5. Дорофеев Ю. В. Лингвистический функционализм и вариантность языка. Симферополь: «Таврида», 2012. 306 с.
6. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М.: АСТ, 2009. 432 с.
7. Проект краткого свода основных правил русской орфографии. Отв. ред. А. Д. Шмелев. Сост.: С. В. Друговейко-Должанская, М. М. Ровинская, Д. Н. Чердаков. Рукопись.
8. Современный русский язык: Учеб. для студ. вузов, обучающихся по спец. «Филология». Под ред. П. А. Леканта. 3-е изд. М.: Дрофа, 2002. 560 с.
9. Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. М.: Высш. шк., 1979. 255 с.
10. Соколовская Ж. П. Проблемы системного описания лексической семантики. Киев: Наук. думка, 1990. 182 с.
11. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2008. 1536 с.
12. Рудяков А. Н. Лингвистика и её «скелеты в шкафу». М.: Издательский центр «Азбуковник», 2020. 416 с.
13. Князев С. В., Пожарицкая С. К. Современный русский литературный язык: Фонетика, орфоэпия, графика и орфография: Учебное пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2011. 430 с.

14. Бабайцева В. В. Избранное. 2005–2010: Сборник научных и научно-методических статей / Под ред. д-ра филол. наук проф. К. Э. Штайн. М– Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. 400 с.

15. Лопатин В. В. Многогранное русское слово: избранные статьи по русскому языку / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. 743 с.

16. Юдина Н. В. Русская орфография и пунктуация в XXI веке: «человек» и «закон» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 227–233.

17. Арутюнова Е. В. Реформа русской орфографии и пунктуации 1960-х годов: неизвестные страницы истории // Сибирский филологический журнал. 2016. № 3. С. 5–15.

18. Касаткин Л. Л. Современный русский язык. Фонетика : учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования. 3-е изд., испр. М.: Издательский центр «Академия», 2014. 272 с.

19. Педагогический энциклопедический словарь / Гл. ред. Б. М. Бим-Бад. Москва: Большая рос. энцикл., 2002. 528 с.

20. Коваль Н. А. Проблема формирования орфографической зоркости на уроке русского языка // Молодой ученый. 2022. № 46 (441). С. 115–117.

21. Кайдалова А. И., Калинина И. К. Современная русская орфография: Учеб. пособие для вузов по спец. «Журналистика». 4-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк. 1983. 240 с.

References

1. Rudyakov, A. N. (1998). *Lingvistichekii funktsionalizm i funktsional'naya semantika* [Linguistic Functionalism and Functional Semantics]. 224 p. Simferopol', Tavriya-plyus. (In Russian)
2. Rudyakov, A. N. (2012). *Yazyk, ili Pochemu lyudi govoryat: opyt funktsional'nogo opredeleniya estestvennogo yazyka* [Language, or Why People Speak: An Experience of the Functional Definition of Natural Language]. 2-е изд. 158 p. Moscow, Flinta, Nauka. (In Russian)
3. Rudyakov, A. N. (2016). *Georustistika: russkii yazyk v global'nom mire* [Georustistika: Russian Language in the Global World]. 320 p. Moscow, LEKSRUS. (In Russian)
4. *Yazykoznanie. Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'* (2000) [Linguistics. Big Encyclopedic Dictionary]. Gl. red. V. N. Iartseva. 2-е изд. 682 p. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya. (In Russian)
5. Dorofeev, Y. V. (2012). *Lingvistichekii funktsionalizm i variantnost' yazyka* [Linguistic Functionalism and Language Variance]. 306 p. Simferopol', "Tavrida". (In Russian)
6. *Pravila russkoi orfografii i punktuatsii. Polnyi akademicheskii spravochnik* (2009) [Rules of Russian Orthography and Punctuation]. Pod red. V. V. Lopatina. 432 p. Moscow, AST. (In Russian)
7. *Proekt kratkogo svoda osnovnykh pravil russkoi orfografii* [Draft Short Set of Basic Rules of Russian Or-

- thography]. Otv. red. A. D. Shmelev. Sost: S. V. Drugoveiko-Dolzanskaya, M. M. Rovinskaya, D. N. Cherdakov. Rukopis'. (In Russian)
8. *Sovremenniy russkii yazyk* (2002) [Modern Russian Language]. Ucheb. dlya stud. vuzov, obuchaiushchikhsya po spets. "Filologiya". Pod red. P. A. Lekanta. 3-e izd. 560 p. Moscow, Drofa. (In Russian)
9. Panov, M. V. (1979). *Sovremenniy russkii yazyk. Fonetika* [Modern Russian Language. Phonetics]. 255 p. Moscow, Vyssh. shk. (In Russian)
10. Sokolovskaya, Zh. P. (1990). *Problemy sistemnogo opisaniya leksicheskoi semantiki* [Problems of Systemic Description of Lexical Semantics]. 182 p. Kiev, Nauk. dumka. (In Russian)
11. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* (2008) [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Gl. red. S. A. Kuznetsov. 1536 p. St. Petersburg, "Norint". (In Russian)
12. Rudyakov, A. N. (2020). *Lingvistika i ee "skelety v shkafu"* [Linguistics and Its "Skeletons in the Locker"]. 416 p. Moscow, izdatel'skii tsentr "Azbukovnik". (In Russian)
13. Knyazev, S. V., Pozharitskaya, S. K. (2011). *Sovremenniy russkii literaturnyi yazyk: Fonetika, orfoepiya, grafika i orfografiya* [Modern Russian Literary Language: Phonetics, Orthoepy, Graphics and Orthography]. Uchebnoe posobie dlya vuzov. 2-e izd., pererab. i dop. 430 p. Moscow, Akademicheskii Proekt; Gaudeamus. (In Russian)
14. Babaitseva, V. V. (2010). *Izbrannoe. 2005–2010: Sbornik nauchnykh i nauchno-metodicheskikh statei* [Selected Works. 2005–2010: Collection of Scientific and Scientific-Methodological Articles]. Pod red. dra filol. nauk prof. K. E. Shtain. 400 p. Moscow-Stavropol', izd-vo SGU. (In Russian)
15. Lopatin, V. V. (2007). *Mnogogrannoe russkoe slovo: izbrannye stat'i po russkomu yazyku* [The Multifaceted Russian Word: Selected Articles on the Russian Language]. Rossiiskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. 743 p. Moscow, izdatel'skii tsentr "Azbukovnik". (In Russian)
16. Yudina, N. V. (2016). *Russkaya orfografiya i punktuatsiya v XXI veke: "chelovek" i "zakon"* [Russian Orthography and Punctuation in the 21st Century: "Man" and "Law"]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. No. 3, pp. 227–233. (In Russian)
17. Arutyunova, E. V. (2016). *Reforma russkoi orfografii i punktuatsii 1960-kh godov: neizvestnye stranitsy istorii* [Reform of Russian Orthography and Punctuation in the 1960s: Unknown Pages of History]. Sibirskii filologicheskii zhurnal, No. 3, pp. 5–15. (In Russian)
18. Kasatkin, L. L. (2014). *Sovremenniy russkii yazyk. Fonetika* [Modern Russian Language. Phonetics]. Ucheb. posobie dlya stud. uchrezhdenii vyssh. prof. obrazovaniya. 3-e izd., ispr. 272 p. Moscow, izdatel'skii tsentr "Akademiya". (In Russian)
19. *Pedagogicheskii entsiklopedicheskii slovar'* (2002) [Pedagogical Encyclopedic Dictionary]. Gl. red. B. M. Bim-Bad. 528 p. Moscow, Bol'shaya ros. entsykl. (In Russian)
20. Koval', N. A. (2022). *Problema formirovaniya orfograficheskoi zorkosti na uroke russkogo yazyka* [The Problem of the Formation of Orthography Vigilance in the Russian Language Lesson]. Molodoi uchenyi. No. 46(441), pp. 115–117. (In Russian)
21. Kaidalova, A. I., Kalinina, I. K. (1983). *Sovremennaya russkaya orfografiya* [Modern Russian Orthography]. Ucheb. posobie dlya vuzov po spets. "Zhurnalistika". 4-e izd., ispr. i dop. 240 p. Moscow, Vyssh. shk. (In Russian)

The article was submitted on 05.03.2023
Поступила в редакцию 05.03.2023

Рудяков Александр Николаевич,
доктор филологических наук,
профессор,
Крымский республиканский институт
постдипломного педагогического
образования,
Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского,
295000, Россия, Симферополь,
Ленина, 15.
krippa@krippa.ru

Rudyakov Alexander Nikolaevich,
Doctor of Philology,
Professor,
Crimean Republican Institute of Postgraduate
Teacher Education,
Crimean Federal University named
after V. I. Vernadsky,
15 Lenin Str.,
Simferopol, 295000, Russian Federation.
krippa@krippa.ru